

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФЕКЛОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории Академии наук и научных учреждений, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tat-feklova@yandex.ru

ПРИГЛАШЕНИЕ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ К УЧАСТИЮ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ШПИЦБЕРГЕН И В РУССКУЮ ЛАПЛАНДИЮ В 1840 ГОДУ

На основе архивных материалов анализируется история приглашения ученых Петербургской Академии наук к участию во французской экспедиции на Шпицберген и в Русскую Лапландию в 1840 году. Основное внимание акцентируется на первоначальном процессе истории научного изучения Арктики. Эпизодическое исследование Арктики учеными было положено еще в начале XVIII века, но только в первой половине XIX века в научных кругах была признана необходимость четкого, структурированного и комплексного научного изучения данных территорий. В начале XIX века во Франции начинается первая в мире экспедиция, поставившая своей целью длительное изучение северных регионов, включающих Шпицберген, Исландию, Гренландию и пр. Петербургская Академия наук была приглашена к участию в этом проекте. Организационные и финансовые затруднения помешали осуществлению этого проекта, но рассмотрение этапов подготовки снаряжения экспедиции помогает лучше представить, как были налажены международные связи Академии наук.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская Академия наук, 1830–40-е годы, экспедиции, Арктика, Ж. П. Гемар

Идея о том, что нереализованные проекты представляют большой интерес для историка, последнее время привлекает все больше и больше внимания. Разумеется, успешные экспедиции внесли значительный вклад в развитие как отечественной, так и международной науки. Но экспедиции, которые по тем или иным причинам не были совершены, тем не менее также интересны, так как дают массу данных как для историка научных идей, так и для специалиста по институциональной и социальной истории науки. Несвершившиеся экспедиции позволяют по-новому взглянуть на историю развития исследований в том или ином регионе. Они также могли послужить отправной точкой для организации последующих экспедиций. Именно с этой точки зрения мы предлагаем рассмотреть неосуществленный проект совместной российско-французской экспедиции по изучению Европейского Крайнего Севера 1840–1841 годов.

Целью настоящей статьи является изучение приглашения ученых Петербургской Академии наук к участию в работе французской экспедиции на Шпицберген в 1840 году. Хотя международные контакты Академии наук обычно привлекают внимание историков, попытка французов пригласить ученых Петербургской Академии наук к участию в этой экспедиции не становилась предметом подробного анализа.

30–40-е годы XIX века остаются одним из самых малоизученных периодов в истории российской науки. В связи с этим складывается не совсем правильное впечатление, что после бли-

стательного взлета екатерининского времени научная жизнь в России замерла вплоть до нового расцвета во второй половине XIX века. Однако в это время был организован ряд крупных экспедиций, в том числе и заграничных: зоолог И. Г. Вознесенский в 1839–1849 годах посещал Русскую Америку, другой зоолог А. Ф. Миддендорф в 1842–1845 годах совершил путешествие на северо-восток Сибири, ботаник В. Ф. Карвинский в 1840–1843 годах в Мексику, ботаник и бактериолог Л. С. Ценковский в 1847–1848 годах в Египет и др.

В данной статье на основе архивных материалов из Санкт-Петербургского филиала архива РАН и Российского государственного исторического архива анализируется предложение французского исследователя Ж. П. Гемара к Петербургской Академии наук об организации совместной российско-французской экспедиции для проведения постоянных и комплексных исследований на территории Крайнего Севера. Несмотря на то что совместная экспедиция так и не была организована, это приглашение является одним из примеров включенности Академии наук в международную научную сеть. В дальнейшем, прежде всего в конце XIX – начале XX века, именно изучение Русского Севера станет одним из основополагающих направлений в исследованиях Академии наук.

Рассмотренный в статье материал затрагивает два важных аспекта деятельности Академии наук: международное сотрудничество и изучение северных территорий. Вопросы, свя-

занные с изучением европейской части России и полярных областей, анализируются в работах К. Гассерта¹, В. М. Пасецкого [6], М. И. Белова [1], В. Г. Смирнова [8] и др. История освоения Новой Земли представлена в работе В. С. Корякина [3].

История жизни и деятельности одного из предполагаемых участников будущей совместной экспедиции Н. И. Железнова рассмотрена в монографии К. В. Манойленко [5]. Однако сюжету о его участии во французской экспедиции не уделено достаточного внимания.

Основным источником по истории деятельности французской экспедиции под руководством Ж. П. Гемара являются ежегодные отчеты экспедиции, содержащие большой объем материала о результатах работы экспедиции с 1838 по 1840 год².

В то же время о попытке сотрудничества Петербургской Академии наук с французской экспедицией под руководством Ж. П. Гемара есть только небольшие упоминания в научных исследованиях. Развитию этой темы и посвящена данная статья.

В 1830–40-х годах Академия наук поддерживала широкие связи с зарубежными научными центрами Европы и отдельными иностранными исследователями. Российские ученые были активно включены в международную научную деятельность. Это сотрудничество заключалось в обмене публикациями, естественно-научными коллекциями, проведении совместных экспедиционных исследований, обширной переписке. Некоторые из ученых Санкт-Петербургской Академии наук являлись почетными членами зарубежных научных обществ, а иностранные ученые становились членами Санкт-Петербургской Академии наук. Так, например, в 1851 году академик К. М. Бэр (зоолог) стал членом Шведской Академии наук; академик А. Я. Купфер (создатель бюро мер и весов и первой метеорологической сети в России) в этом же году был принят в почетные члены Лондонского Королевского общества [4; 219, 408, 415], в то же время М. Фарадей (физик) 17 августа 1831 года прислал в Конференцию Академии наук благодарственное письмо за избрание его иностранным членом Петербургской Академии [4; 224].

Помимо прямых научных контактов российские ученые ездили в зарубежные научные центры для стажировки. В частности, в 1835 году Е. Фус, бывший в то время помощником астронома при Главной астрономической обсерватории, был отправлен для усовершенствования своих знаний в практической астрономии вначале в Альтону (прусская провинция Шлезвиг-Гольштейн), а потом в Берлин и Кенигсберг.

Академия наук в первой половине XIX века также приглашала иностранных ученых из Швеции, Пруссии, Дании и Англии для участия в своих экспедиционных проектах. Это пре-

жде всего хронометрические экспедиции 1833 и 1843–1844 годов, объединившие исследователей ряда стран Балтийского региона, позволившие уточнить географические координаты Балтийского моря.

В 30-х годах XIX века во Франции постепенно создаются предпосылки для осуществления первой в мире экспедиции по изучению северных территорий, которая действовала бы на постоянной основе. В дальнейших публикациях экспедиция получила название: *Voyages de la commission scientifique du Nord, en scandinavie, en Laponie, au Spitzberg et aux Féroé, pendant les années 1838, 1839 et 1840 sur la corvette la Recherche sous la direction de M. Paul Gaimard, president de la Commission scientifique du Nord* (Экспедиция научной комиссии на Север, в Скандинавию, Лапландию, на Шпицберген и Фарерские острова в годы 1838, 1839 и 1840 на корвете «Исследование» под руководством Ж. П. Гемара, начальника научной комиссии на Север)³. Финансирование этой экспедиции взяло на себя французское правительство.

Начало научно-исследовательской экспедиции положили поиски в 1835 году пропавшего в Исландии в 1833 году французского судна «La Lilloise», которым командовал Юлий Блоссевиль (Jules-Alphonse-René Poret baron de Blosseville, географ и исследователь)⁴. В следующем, 1836 году совместно с поисковым судном в Исландию были направлены несколько ученых (первоначально поиски пропавшего судна осуществляли военные моряки, но судно не было найдено). 1837 год был посвящен изучению Шпицбергена. В 1838 и 1839 годах экспедиция посетила разные пункты северных территорий Дании, Швеции и Норвегии⁵. Основной целью французской экспедиции было всестороннее описание природы на данных территориях. Эта экспедиция позволяла натуралисту провести значительный период времени в одном географическом пункте, что выгодно отличало ее от кругосветных экспедиций. Последние, по выражению неперменного секретаря Петербургской Академии наук П. Н. Фуса, требуют от естествоиспытателя облететь весь земной шар подобно пушечному ядру и при этом исследовать весь свет во всех его глубинах и направлениях⁶. Другим плюсом в организации являлся ее международный характер. В письме, представленном в Академию наук в 1840 году, начальник французской экспедиции Ж. П. Гемар указал, что французское правительство, «устраивая все мелочные расчеты национальной ревности, старалось пригласить для участия в экспедиции как можно большее количество ученых из всех образованных северных народов»⁷.

Среди этих ученых были такие исследователи, как датский ботаник Йенс Л. М. Валь (J. L. M. Vahl, 1796–1854), датский зоолог Х. Н. Крёйер (H. N. Krøyer, 1799–1870), норвежский зоолог

К. В. Бёк (K. V. Boekh, 1808–1875), шведский зоолог К. Я. Сундеваль (C. J. Sundevall, 1801–1875), шведский офицер и исследователь флоры Шведской Лапландии Л. Л. Лестадиус (L. L. Laestadius, 1800–1861)⁸. Ученые, вошедшие в состав северной французской экспедиции, уже имели значительный научный опыт. Так, например, Йенс Л. М. Валь на 1839 год в течение 6 лет проводил ботанические исследования на территории Гренландии. В 1838–1839 годах вместе с экспедицией Ж. П. Гемара он посетил мыс Нордкап и Шпицберген. По результатам исследований Вальсом была написана «Флора Гренландии»⁹. Сам начальник экспедиции Ж. П. Гемар на протяжении трех лет, с 1817 по 1820 год, исполнял обязанности хирурга во время кругосветной экспедиции на корабле «Урания». А спустя всего 6 лет, в 1826–1829 годах, совершил второе кругосветное плавание на корабле «Астролябия», в ходе которого была обследована часть берегов Новой Зеландии и Новой Гвинеи.

Помимо прямого приглашения и дальнейшей работы в составе экспедиции иностранных специалистов участие зарубежных ученых во французской экспедиции заключалось в предоставлении инструкций от исследователей из Англии, Германии, России, Швеции и Дании для ученых из экспедиции.

Французское правительство поддерживало экспедицию не только финансово. Так, по договоренности с Норвегией в г. Бесконе (северная часть Норвегии) для нужд экспедиции была устроена временная магнитная обсерватория, в которой можно было также проводить астрономические наблюдения.

В 1840–1841 годах экспедиция планировала провести исследования в Финмаркене (северная провинция Норвегии), совершить поездку на Шпицберген и, возможно, в Русскую Лапландию. В этой связи начальник французской экспедиции Ж. П. Гемар пригласил к участию русских исследователей [9].

Письмо Ж. П. Гемара, составленное на имя министра народного просвещения С. С. Уварова, было представлено на общем собрании Академии наук, состоявшемся 13 декабря 1840 года. На собрании академик К. М. Бэр зачитал письмо начальника французской экспедиции Ж. П. Гемара. В своем письме Ж. П. Гемар представил результаты предыдущих исследований экспедиции и передал русским ученым графический чертеж магнетических наблюдений, проведенных в Бесконе и на Шпицбергене в 1839 году [4].

Для обсуждения возможности присоединения русских ученых к этой экспедиции Академия наук создала специальную Комиссию, в которую вошли академики К. М. Бэр, А. Я. Купфер и Э. Х. Ленц. Комиссия должна была решить ряд вопросов. Первым из них стал вопрос о том, какую конкретную пользу может принести участие русских ученых в экспедиции и каковы

будут их задачи в случае присоединения к экспедиции. Разрабатывался также вопрос о том, какие инструкции и сопроводительные бумаги необходимо подготовить для ученых.

Комиссией было принято решение, что от Академии во французскую экспедицию желательно направить И. А. Зиновьева (химик), Н. И. Железнова (ботаник, физиолог растений) и К. Ф. Кесслера (зоолог)¹⁰. По мнению комиссии Академии наук, участие в этой экспедиции будет означать справедливое признание значимости работ русских ученых в международном научном сообществе. Кроме того, российские исследователи получают неоценимый опыт участия в международной долговременной экспедиции. Комиссия предполагала, что петербургские ученые смогут овладеть методами европейских исследователей, научиться пользоваться новейшими приборами и проводить измерения на местности. Академия наук собиралась выплачивать жалование своим ученым из средств экономической суммы на тех же условиях, что и датское, норвежское и шведское правительства своим ученым. Комиссия Академии наук должна была снабдить своих молодых исследователей подробными инструкциями.

Основными общими целями экспедиции являлись:

1. «Проведение постоянных физических наблюдений в местах пребывания. Наблюдения планировалось проводить над температурой воздуха и почвы, над состоянием барометра, над магнетизмом Земли, в отношении к склонению, уклонению и напряжению вместе с исследованием ежечасных изменений магнитной силы, над приливами и отливами моря и т. д.
2. Ботанические исследования.
3. Исследование посещенных стран в геогностическом отношении.
4. Зоологические исследования, как в отношении к строению животных, так и к их образу жизни.
5. Этнографические исследования. Изучение физического состояния северных народов, их нравственное и политическое развитие, способы воспитания и обучения, существующие у них»¹¹.

Отправленные с экспедицией ученые должны были посылать в Академию копии со всех своих донесений, которые они будут предоставлять начальнику экспедиции с французской стороны, с тем чтобы их собственные труды могли вернее быть признаны неотъемлемым их достоянием¹², что свидетельствует о том, что Академия наук оберегала авторские права своих исследователей. Вообще пересылка трудов в Академию, обработка данных на базе Академии и публикация трудов участников за счет Академии наук была в то время достаточно распространенной практикой. Так, например, при организации научной

экспедиции 1837 года к Аральскому морю Академия наук заранее оговаривала, что полученные в результате исследований результаты будут опубликованы за счет Академии¹³. Это оговаривалось предварительно, потому что публикация трудов ученого после экспедиции могла быть осуществлена за счет денег, оставшихся после экспедиции (экспедиция зоолога А. Ф. Миддендорфа в Восточную Сибирь в 1842–1845 годах¹⁴).

После длительной предварительной организационной работы Комиссия Академии предложила также создать экспедицию по изучению северных территорий, подобную французской, на базе Петербургской Академии наук. Основанием для этого решения послужило заключение, что полученные в ходе участия во французской экспедиции знания будут способствовать тому, что собственные исследования российского Севера будут проходить быстрее и успешнее, если будут опираться на накопленный опыт. Российская империя, как было указано в донесении комиссии, обладает самой протяженной северной границей, и это требует сосредоточить внимание российского научного общества на исследовании этих территорий.

Английские ученые, по словам непременно секретаря Академии наук П. Н. Фуса, снабженные всеми необходимыми приборами и достаточными денежными средствами, совершили множество экспедиций в северные регионы, прежде всего в Америку, так что, по мнению Комиссии Академии наук, север Америки в физическом и естественном отношении исследован гораздо лучше, чем север Сибири [7]. Всеобщие и долговременные исследования, как считала Комиссия Академии наук, во многом определяют приоритет нации на пользование северными территориями. Русские ученые должны были включаться в соревнование с европейскими учеными по изучению собственных северных территорий, чтобы подтвердить право России на владение ими¹⁵.

Однако, несмотря на очевидную научную обоснованность участия в предполагаемой французской экспедиции, русские ученые так и не смогли приступить к работе. Приглашение от начальника экспедиции Ж. П. Гемара поступило в декабре, уже после закрытия финансового года, что не позволило обеспечить петербургским ученым достаточного финансирования, а на использование экономической суммы Академии наук (средства самой Академии) не было получено разрешение императора Николая I.

Таким образом, в XIX веке международные научные связи Петербургской Академии наук заключались как в осуществлении совместных экспедиций (причем приглашения об участии в этих экспедициях поступали не только от Академии, но и от отдельных зарубежных исследователей), так и в написании инструкций (для участников других организаций со стороны Академии наук), обмене приборами и коллекциями. Такое сотрудничество значительно расширяло географию академических экспедиций, а также становилось прочной основой для развития долгосрочного международного сотрудничества между Петербургской Академией наук и зарубежными научными учреждениями. Рассмотренная французская экспедиция Ж. П. Гемара стала одной из первых комплексных экспедиций, действовавших на постоянной основе, что обеспечивало этой экспедиции более полные и объективные данные из исследуемых регионов. Несмотря на то что совместная русско-французская экспедиция не состоялась, приглашение Ж. П. Гемара, поступившее в Петербургскую Академию наук, во многом подхлестнуло внимание российской научной общественности к проблемам изучения Севера. Исследование Крайнего Севера в дальнейшем (конец XIX – начало XX века, в частности, 1900–1902 годы – Русская полярная экспедиция) стало одним из наиболее приоритетных направлений в работе Санкт-Петербургской Академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гассерт К. Исследование полярных стран. Одесса: Mathesis, 1912. 206 с.

² Отчет Академии наук // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). СПб., 1839. Ч. 24. С. 85–86.

³ Voyages en Scandinavie, en Laponie, au Spitzberg et aux Féroë, pendant les années 1838, 1839, 1840 sur la corvette la Recherche: In 3 vol. Paris: A. Bertrand, 1842.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. По письму Ж. П. Гемара о вызове русских естествоиспытателей принять участие во французской экспедиции на север. Л. 2.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 2 об.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 3 об.–4.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 3 об.

⁹ Dansk biografisk Lexikon // XVIII. Bind. Ubbe – Wimpffen. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag. Græbes Bogtrykkeri, 1904. 622 p.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 5.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 2 об.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 5 об.

¹³ Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники Российской Академии наук (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. О снаряжении экспедиции к Аральскому морю. Л. 18.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 6.

¹⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1880. Особый журнал по представлению министра народного просвещения о средствах на расходы научной экспедиции в Северную Сибирь. Ч. 3. Л. 47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути / Морской транспорт. М., 1959. № 3. 508 с.
2. Исторические памятники второй Камчатской экспедиции. М., 2002. 216 с.
3. Корякин В. С. История изучения природной системы Новой Земли (до середины XX века): Автореф. дисс. ... д-ра геогр. наук. М., 2000. 54 с.
4. Летопись Российской Академии наук: В 4 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. 620 с.
5. Маноilenko К. В. Николай Иванович Железнов, 1816–1877. М.: Наука, 2007. 246 с.
6. Пасецкий В. М. Арктические путешествия россиян. М.: Мысль, 1974. 230 с.
7. Пасецкий В. М. Русские открытия и исследования в Арктике, первая половина XIX века. Л.: Гидрометеоздат, 1984. 275 с.
8. Смирнов В. Г. Исследования Мирового океана военными моряками и учеными России, 1826–1895 гг. СПб.: ГУ-НИО, 2006. 292 с.
9. Феклова Т. Ю. Экспедиции Академии наук в первой половине XIX века: научно-организационные и административно-финансовые аспекты: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 30 с.

Feklova T. Yu., Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology of RAS
(St. Petersburg, Russian Federation)

INVITATION OF RUSSIAN SCIENTISTS TO PARTICIPATE IN FRENCH EXPEDITION TO SPITSBERGEN AND RUSSIAN LAPLAND IN 1840

The history of the invitation extended to the Russian Academy of Sciences to participate in the French expedition to Spitsbergen and to Russian Lapland in 1840 is analyzed. The main attention of the author is drawn to the history of the Arctic scientific study. Episodic research of the Arctic was initiated in the early XVIII century. A need for a deeper, structured, and comprehensive scientific study of these areas was realized by the scientific community at the end of the XIX century. Early in the XIX century France begins to operate the world's first expedition, which set a goal of the long-term study of the northern regions inclusive of Svalbard, Iceland, Greenland, and others. The St. Petersburg Academy of Sciences was invited to participate in this project. This expedition didn't take place due to financial and organizational problems. Though close research of the preparation process and multiple stages it involved could be very helpful in understanding of the existed international coordination between the Russian Academy of Science and other foreign organizations.

Key words: Academy of science, first half of the XIX century, expeditions, Arctic region, J. P. Gemar

REFERENCES

1. Belov M. I. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti / Morskoy transport* [History of discovery and development of the Northern Sea route]. Moscow, 1959. № 3. 508 p.
2. *Istoricheskie pamyatniki vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii* [Historic Monuments of the second expedition to Kamchatka]. Moscow, 2002. 216 p.
3. Koryakin V. S. *Istoriya izucheniya prirodnoy sistemy Novoy Zemli (do serediny XX veka): Diss. ... d-ra geogr. nauk* [Explore the natural history of the New Earth (to the middle of XX century). Author's abstract Dr. geogr. sci. diss.]. Moscow, 2000. 54 p.
4. *Letopis' Rossiyskoy Akademii nauk* [Annals of the Russian Academy of Sciences]: In 4 vol. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 620 p.
5. Manoylenko K. V. *Nikolay Ivanovich Zheleznov, 1816–1877* [Nikolai Ivanovich Zheleznov, 1816–1877]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 246 p.
6. Pasetskiy V. M. *Arkticheskie puteshestviya rossiyen* [Arctic travel of the Russians]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 230 p.
7. Pasetskiy V. M. *Russkie otkrytiya i issledovaniya v Arktike, pervaya polovina XIX veka* [Russian discoveries and investigations of the Arctic, first half of the XIX century]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1984. 275 p.
8. Smirnov V. G. *Issledovaniya Mirovogo okeana voennymi moryakami i uchenymi Rossii, 1826–1895 gg.* [Investigation of the World Ocean by Russian seamen and scientists from Russia 1826–1895]. St. Petersburg, GUNIO Publ., 2006. 292 p.
9. Feklova T. Yu. *Ekspeditsii Akademii nauk v pervoy polovine XIX veka: nauchno-organizatsionnyy i administrativno-finansovyy aspekty: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Expeditions of the Russian Academy of science in the first half of the XIX century: scientific, organization, administrative and financial aspects: Author's abstract on scientific degree of candidate of historical sciences: Author's abstract. PhD. hist. sic. diss.]. St. Petersburg, 2012. 30 p.

Поступила в редакцию 16.06.2014